

СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

ЛЮБОВЬ ВНЕ ЗАКОНА

СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

ЛЮБОВЬ ВНЕ ЗАКОНА



Следователь Пампурин ведет дело об убийстве сына мера Сочина и двух его друзей. Все знали Валеру Сочина как очень хорошего парня. Отец тяжело переживает утрату и просит как можно быстрее распутать дело. Пампурин пытается выяснить, кому и зачем было убивать Сочина-младшего. Но улики, собранные следователем, приводят его... к собственной дочери. Шокированный отец не может поверить, что его Наташа — преступница. Да и каков мотив? Дело принимает совершенно неожиданный оборот, когда девушка рассказывает всю правду о той ночи. Вот только из-за этой правды их семье грозит смертельная опасность...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5628-6



9 786171 256286







СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

**ЛЮБОВЬ
ВНЕ ЗАКОНА**

РОМАН

ХАРЬКОВ **2019**  **КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА**

УДК 821.161.1.0
М14



Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-5628-6

- © Майдуков С. Г., 2018
- © Depositphotos.com / Alla-Serebrina, fxquadro, KadunmatriX, carlosphotos, kaministudio, alexkalashnikov, tlorna, ArturVerkhovetskiy, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОДИН ПИСТОЛЕТ, ТРИ ТРУПА

С того момента, как прозвучал клич «По коням!», минуло уже полтора часа, а следственно-оперативная группа все никак не могла добраться до места преступления. То водитель по недосмотру проскочил нужный поворот, то решил срезать по грунтовке и попал черт его знает куда, то в сторожке дачного кооператива не оказалось ни одного охранника, чтобы поднять шлагбаум.

— Ломаем, — решил майор Деев, возглавлявший следственно-оперативную группу.

Ранняя седина его молодила, а набрякшие мешки под глазами, наоборот, старили, и в итоге он выглядел как раз на свои сорок два года. Женщины Деева жаловали, а начальство — нет, так что мечты о полковничьих звездах, похоже, накрылись медным тазом.

— Кто-то здесь оглох? — нетерпеливо спросил Деев.

Надеясь отвертеться, водитель снова посигналил: звук получился громкий, но какой-то безнадежный, исполненный тоски. С дерева поднялась сорока и, суетливо работая крыльями, с криком помчалась прочь, но из сторожки так никто и не вышел.

— Вот так и живем, — заметил оперуполномоченный Кашин. — Куда ни ткнишь, все игнорируют. А страна катится...

— Трогай! — приказал Деев водителю.

— Глядите, товарищ майор, отвечать не мне.

— Трогай, трогай.

Квадратный лоб «Ниссана» уперся в шлагбаум, отжал его и вывернул из креплений. Полосатый брус шлепнулся в лужу талой воды. В тот же миг, как чертик из табакерки, на крыльцо выскочил охранник в черно-сером камуфляже. Физиономия у него была помятая, в руке он держал дубинку.

— Ну, началось... — вздохнул водитель.

— Ты что творишь, меринос? — заорал охранник. — По какому праву?

Деев легко и ловко выбрался наружу и обогнул автобус.

— Представься, — потребовал он. — Ты кто такой? Почему дрыхнешь на службе?

— Кто дрыхнет? — забубнил охранник, косясь на выставленное удостоверение. — Я на посту. Дежурство несу.

По-видимому, прежде чем выйти к нарушителям, он вызвал подкрепление, и теперь на место событий спешила «газель» на высоких колесах.

— Небось, по дачам шарили, — предположил кинолог, почёсывая за ухом жмурающуюся овчарку. — С зимы дачи пустуют, парням раздолье — гуляй не хочу. Если что, всегда отбрехаться можно: мол, сигнализация сработала, приехали по тревоге.

— У нас прошлой зимой стиральную машинку увели, — поделилась воспоминаниями эксперт Фельдман. — Все вещи на местах, а машинка — тю-тю, и спросить не с кого.

— Охраннички, — сказал Кашин. — Ох, рано встает охрана...

— У тещи однажды тоже так вот на дачу забрались и до весны жили, — мрачно произнес следователь Величко. — Мало того, что все запасы сожрали, так еще на столе кучу наложили на прощанье. Это вместо благодарности.

— Катимся, — вздохнул Кашин. — И докатимся.

Пока они обсуждали превратности дачной жизни, Деев успел *построить* всех троих охранников в буквальном и переносном смысле этого слова. Виновато понурившись и перетаптываясь на мокром асфальте, стояли они перед начальником в ряд и гудели что-то в свое оправдание. В принципе, у них имелось собственное начальство, и какой-то офицер полиции был для них, что называется, не пришей к звезде рукав, но Деев умел поставить себя так, что ему подчинялись.

— Я предупреждал, что мы приедем? — перебил он бормочущих охранников. — Просил встретить?

— Так мы ждали, — сказал тот, который проспал, — а вы все не едете и не едете.

— На то были веские причины, — отрезал Деев. — Знали бы вы, сколько преступлений ежедневно совершается в одном только этом районе. Но вам лучше не знать, парни. Чтобы не травмировать свою молодую психику. Кто из вас первым труп увидел?

Деев обвел взглядом охранников. Один из них непроизвольно вытянул руки по швам, как делал это, наверное, лет двадцать назад, пребывая на срочной службе в армии.

— Я, — сказал он. — Иду, а он лежит. Ноги внутри, а сам снаружи.

— Ты к нему приближался? Трогал что-нибудь?

— Зачем мне трогать? — охранник пожал плечами. — Что он, баба?

— Некоторые, — объяснил Деев, — по карманам шарят или, того хуже, на место преступления лезут в надежде поживиться. Так вот, если бес попутал, то лучше сознаться сразу. А то ведь следы все равно всплывут. И пальчики.

— Какие пальчики? — встревожился другой охранник.

— Вот эти, — Деев красноречиво пошевелил пальцами, то собирая их в горсть, то растопырявая. — Какими отпечатки оставляют. А то ведь можно и по делу пойти...

Парни не стали спрашивать, «куда». Они родились и выросли в стране, где этот маршрут был всем хорошо известен: следственный изолятор, этап, лагерь.

— Я к телу не подходил, — твердо заявил охранник. — Там во дворе еще снег лежит и грязно. Только дурак топтаться станет.

— Сообразительный, — похвалил Деев. — Молодец. Теперь показывай, где это, а то до вечера провозимся.

Он еще не знал, что ему и сотрудникам предстоит работать на месте преступления не то что дотемна, а до глубокой ночи. Убийство-то оказалось тройное...

* * *

Кинолога с собакой в дом не пустили, поскольку, помотавшись по округе, они принесли на ногах столько грязи, что затоптали бы все следы внутри.

— Нашли что-нибудь? — поинтересовался Деев, выглянув в двери.

— Голяк, — сказал кинолог.

— В общем, как обычно.

— Ну зачем вы так, товарищ майор? В прошлом месяце мы с Рамзесом...

Не дослушав, Деев вернулся в дом. Для этого ему пришлось перешагнуть через тело на пороге, мешавшее ходить и не позволявшее закрыть дверь.

Этому покойнику, как и двум остальным, было не больше двадцати. Его застрелили в спину, когда он пытался выскочить из дома, где уже были убиты его товарищи. Стрелок оказался неопытным. Судя по ранениям, ему пришлось сделать не менее трех выстрелов, чтобы остановить последнюю жертву. Огонь велся не в упор, но с очень близкого расстояния. Одна пуля поразила бедро убитого, вторая засела в тканях правого плеча, и лишь третья вошла в середину спины, пробив легкое и настигивав сердце осколками по-

звоночника. А ведь могли быть и другие пули, пролетевшие мимо и засевшие в стене либо расплющившиеся о нее и от-рикошетившие в стороны.

Величко, усевшись на тумбочку, деловито строчил акт осмотра места происшествия. Глаза его, независимо от движений руки, блуждали по просторному холлу, который он по старинке именовал «прихожей». Но это был именно холл — с огромным зеркалом, декоративным рыцарем и картинами на стенах. В последние годы состоятельные люди повадились возводить особняки не в черте города и не на отшибе, а в таких вот дачных поселках, куда подведены дороги, электричество и прочие блага цивилизации. Этот дом принадлежал Тамонниковым, но Деев пока не спешил сообщать им о трагедии. Потрясенные родители помешали бы процессу осмотра, дознания и следствия. Нужно было собрать улики, выяснить личности всех троих и хотя бы в общих чертах представить картину преступления.

— Подошвы чистые, — пробормотал Величко, почесывая ручкой кончик носа. — Значит, по всей видимости, покойник вместе с остальными прибыл на место преступления в автомобильном транспорте.

Он уже занес ручку над бумагой, когда был остановлен словами Деева:

— Думай, что пишешь, Коля. Важна каждая буква, не то что слово. Как это покойник прибыл на место? Его в багажнике привезли? Или он у тебя зомби из американских ужастиков?

— Н-да, глупо получается, — согласился Величко со вздохом.

— Путанно, а не глупо, — поправил Деев. — Документ должен быть предельно точным и понятным, чтобы у читающего не возникало никаких вопросов и сомнений. Ты уже четвертый год в деле, а позволяешь себе всякую лирику.

— Исправлюсь, товарищ майор.

— Ты не подумай, что я к тебе цепляюсь, Коля. Просто мы не имеем права на ошибку. Есть такая профессия — преступников за решетку сажать. И мы сажаем. А ты, Коля, тормозишь процесс. То напишешь, что на стекле оставлен отпечаток ладони, а с какой стороны, не уточняешь. То входное отверстие у тебя на месте выходного. Непорядок. Нам дела на доследование возвращают, а преступники на свободе гуляют. — Деев деланно погрозил подчиненному пальцем. — Каждая наша ошибка может иметь фатальные последствия. Сам знаешь, что бывает, когда дело в суде разваливается из-за таких вот погрешностей.

— Знаю, — удрученно вздохнул Величко.

Ему уже дважды урезали зарплату, лишали премий и переносили отпуск на зимнее время. Нет ничего хуже для правоохранительных органов, чем выпустить подозреваемого из своих когтей. Страдают при этом все, сверху до самых низов. Если уж кто попался, то его необходимо посадить любой ценой. Вот почему так важна документальная база. Чем она крепче, тем меньше шансов у «мышки» выскочить из «мышеловки». Каждый оправдательный приговор, вынесенный судьями, ложится темным пятном на репутацию органов обвинения. А наказывают за это потом следаков, оперов и экспертов.

— Будь предельно собран и внимателен, — попросил Деев отеческим тоном. — То, что ты отразишь в протоколе, останется там навсегда.

— Что написано пером, не вырубишь топором, — понимающе кивнул Величко.

— Именно, Коля, именно. То, что ты видишь перед собой, больше никогда не повторится. Тело уберут, кровь замоют, предметы переставят. Поэтому то, что ты фиксируешь сегодня, будет тем основанием, на которое сможет опираться и дальнейшее следствие, и прокурор, и суд при вынесении приговора.

— Я так полагаю, тут на «вышку» потянет, — солидно произнес Величко. — Судя по всему, убийца действовал один, обдуманно и хладнокровно.

— Опять лирика, Коля. Не фантазируй, излагай только факты, ничего, кроме фактов. Учти, я филькину грамоту не подпишу.

Сделав это внушение, Деев перешел в гостиную, где трудились Кашин и Фельдман. Работа оперативника заключалась в том, что он ползал по полу, собирая в пакетики все, что могло иметь отношение к убийству. Эксперт закончила осмотр одного трупа и теперь перешла ко второму.

— Опаньки! — воскликнула она, перевернув тело с живота на спину. — А у нас тут сексуальный мотив имеется.

Джинсы убитого были расстегнуты, половой орган застыл в полувозбужденном состоянии. Фельдман потрогала его пальцем в перчатке, задумчиво подвигала губами.

— Похоже, паренек кого-то трахать собирался, — сказала она. — Или склонял к сексу.

— Успел? — спросил Деев с надеждой. — Слюна или другие выделения нам бы не помешали.

— Нет, — покачала головой Фельдман. — Насколько я понимаю, контакта не получилось. Не довелось мальчику получить удовольствие перед смертью. Стреляли почти в упор. Два раза.

Действуя осторожно, чтобы не перепачкаться кровью, она задрала на убитом свитер и майку. Оба входных отверстия были неровные, кожа опалена пороховыми газами.

— Копоть? — спросил Деев.

— Разве что на одежде, это в лаборатории проверим, — ответила Фельдман. — На теле ни копоты, ни ожогов. Отпечатков дула тоже не наблюдается. Думаю... — она прищурилась, выпятив губы. — Думаю, где-то с такого расстояния били. — Она отмерила ладонями метровый отрезок в воздухе. — Два раза подряд.

— А второго?

— Второй и стоял там, где лежит. Пуля в левый глаз вошла. Метров с трех-четырёх наповал. Меткий выстрел.

— Не думаю, — сказал Деев, показывая пальцем. — Стена минимум в двух местах продырявлена, и в окне дырка. — Он быстро прошел вперед, отбросил штору и торжественно усмехнулся. — Я же говорил!

— Как вы догадались, товарищ майор? — изумился Кашин.

Он дополз до дивана, намереваясь заглянуть под него, и теперь стоял на коленях, отряхивая ладони.

— Да он на вас прямо-таки молиться готов, Никита Михайлович, — пошутила Фельдман.

Кашин, испугавшись, что его примут за подлизу, поспешно вскочил с пола. Деев усмехнулся:

— Элементарно, Ватсон. Из окна сквозит, и в шторе дырочка светится.

— А-а-а... — протянул Кашин и этим ограничился.

В комнату вбежал Рамзес, прижал уши и шумно отряхнулся. Запахло мокрой псиной. Фельдман поморщилась.

— Я же просил! — выкрикнул Деев.

Следом за овчаркой явился кинолог и показал пистолет, подцепленный сучком за предохранительную скобу.

— Нам теперь можно, — сказал он. — Заслужили.

— Ух ты! — восхитился Кашин.

— Нормально, — похвалил Деев, приближаясь. — Где нашли?

— В кустах у задней калитки, — доложил кинолог. — Попробовали еще раз след взять, но дошли до мостика и потеряли. Снег тает, да еще дождик прошел. Рамзес, молодец, старался, но...

Кинолог развел руками. Рамзес, услышав свое имя, посмотрел на него умными карими глазами и коротко гавкнул. «Странно, — подумал Деев, — как пса зовут, я помню, а фамилия хозяина вечно из головы вылетает».

— За мостом дорога? — спросил он. — Может, убийца на машине уехал?

— Разве что на танке, товарищ майор. Развезло — жуть.

— А следы? — напомнил Кашин с таким пронизательным видом, что хоть прямо сейчас в детективный сериал.

— Все затоптано, — разочаровал его кинолог. — Там за пустырем еще один поселок. Оттуда через пустырь на асфальт выходят и к трассе топают. Автобус, магазин, то, се...

Рамзес поднял заднюю лапу, намереваясь помочиться на журнальный столик. Фельдман негодуяще крикнула. Кинолог оттащил пса и пояснил с извиняющейся улыбкой:

— Не привык к приличной обстановке. Все на выездах да в вольере. Откуда хорошим манерам взяться?

Фельдман посмотрела на него с неожиданным интересом.

— А домой почему не берете? Жена против?

Кинолог приосанился.

— Я не женат, — сказал он. — Но в общагу с собакой не пускают.

— А... — Фельдман отвернулась.

— Я летом в свою квартиру перебираюсь, — сообщил кинолог. — Уже все выплатил, осталось только небольшой ремонт сделать. Чисто косметический.

— Мы тоже думали — косметический, — сказал Кашин. — А ремонт на полгода растянулся. Там же все на соплях, все сикось-накось...

Пока они беседовали, Деев вышел в холл — не столько проконтролировать Величко, сколько чтобы еще раз посмотреть на убитого.

— Он и есть Тамонников, — сказал следователь.

— М-м? Как установил личность?

— Очень просто, товарищ майор. Залез в карман, а там карта банковская. Я позвонил, соврал, что карту на улице нашел, хочу вернуть владельцу.

— Фамилию в протокол занес? — спросил Деев, присев на корточки рядом с телом.

— А как же! — просиял Величко.

— Поторопился, Коля. Как бы переписывать не пришлось.

— Это еще почему?

— Может, он карточку у кого-то из приятелей спер, — предположил Деев задумчиво. — Или убийца ему подsunул, чтобы нас с толку сбить. Я же говорил: факты, факты и только факты. Никакой отсебятины, никаких домыслов.

Величко с ненавистью посмотрел на парня у своих ног.

— Устроили тут, понимаешь... Им тут что, Чикаго?

Деев на это никак не отреагировал. Он изучал выражение лица покойника, перекошенный рот, стиснутые кулаки. Одежда была модная и явно не на вещевом рынке купленная: новенькая толстовка, яркие брючки, дорогие кроссовки.

Цокнув языком, Деев вернулся в комнату, чтобы осмотреть остальные трупы. Тот, что с расстегнутой ширинкой, был одет с вызовом, заключавшимся в драных штанинах и пиратском черепе на свитере. Лет 20-25, точнее по мертвому лицу не определить. Половой орган без признаков обрезания и выпущенного семени. «Член без особых примет, среднего сложения», — пошутил про себя Деев, мимолетно улыбнулся и встал над парнем с выбитым глазом и вышибленными мозгами. Похоже, он был самым младшим в этой компании.

— Итак, вот что мы имеем, — заговорил Деев по привычке озвучивать свои умозаключения, дабы проверить, как воспринимают их окружающие. — Хозяин дома, предположительно Александр Тамонников, привез в загородный дом родителей веселую компанию. Сколько их было, охранники не видели, потому что окна автомобиля тонированные, а дело было ночью. С большой степенью вероятности можно предположить, что было их четверо.

— Трое парней и одна девушка, — вставила Фельдман. — На столе почти полная бутылка виски и открытое шампанское. Винный бокал один. Со следами помады.

— Именно, — согласился Деев. — Они немного выпили, покурили...

— Анашу, — уточнил кинолог, успевший обнюхать пепельницу с папиросными окурками.

— Теплая была компашка, — сказала Фельдман.

— Они все были уже навеселе, — продолжал Деев. — Охранник, пропустивший их, заметил, что машина подозрительно вильнула, когда набрала скорость за шлагбаумом. Кроме того в доме было выпито слишком мало, чтобы дело дошло до трагедии. Девушка сидела здесь, — он показал на диван. — По неизвестной причине при ней имелось оружие. Когда один из парней расстегнул джинсы и хотел вступить с ней в половую связь, она открыла огонь.

— Не удивлюсь, если выяснится, что он предложил ей сделать ему... Ну, вы знаете это модное словечко. Только пакость остается пакостью, как ее ни назови.

Эксперт Фельдман строила мину, означавшую, что уж она-то никогда бы не позволила себе ничего подобного. Правда, шевельнувшаяся бровь намекала на некоторые вольности, допустимые в отношениях с очень близким, очень дорогим мужчиной, однако распознать сигнал смог бы только чрезвычайно наблюдательный человек, каковым кинолог не являлся. К тому же его внимание было поглощено рассказом Деева, изобилующим весьма яркими и правдоподобными подробностями. Заслушался даже Величко, закончивший работу в холле. Правда, он не удержался от искушения поддеть начальника, припомнив ему эпизод с банковской картой:

— То, что здесь была девушка, не факт, а допущение, — произнес он с умным видом, как бы в пространство, ни к кому конкретно не обращаясь.

Деев реплику мимо ушей не пропустил, отреагировал ментально.

— Я оперирую фактами, лейтенант, — сухо сказал он. — Вот, — он снял со спинки дивана длинную волосинку. — И вот, — находки были протянуты Фельдман, уже приготовившей для них отдельный пакетик. — И вот, — Деев заглянул в пепельницу. — Мы имеем следы помады на одном из окурков, а покойники, как можно убедиться, женской косметикой не пользовались.

Пристыженный Величко присел в сторонке и продолжил составление акта осмотра места происшествия. Эксперт Фельдман вооружилась пинцетом и принялась собирать окурки. Кинолог и его пес заняли такую позицию, чтобы беспрепятственно разглядывать ее сзади. Кашин и Деев расхаживали по комнате, заглядывая в книги, шкафы и за картины на стенах.

Только покойники ничего не делали. Все, что им осталось на этом свете, так это гнить и разлагаться.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОД ОСОБЫМ КОНТРОЛЕМ

Пампурин раздраженно отставил чашку и, хмурясь, уставился на дочь.

— Опять не пойдешь? У тебя два зачета с прошлой сессии не сданы. Не пора ли за ум взяться? Одни гульки на уме. По-твоему, мы твое обучение оплачиваем, чтобы ты могла по ночам шляться неизвестно где?

— Валера! — укоризненно воскликнула жена. — Девочка больна.

— Не вмешивайся, Маша! Вечно ты за нее заступаешься!

— Как же мне за нее не заступаться? Она моя дочь.

— Моя, между прочим, тоже. Но это не дает ей повода отлынивать от занятий.

— Никто не отлынивает! — Наташа вскочила из-за стола, едва не опрокинув стул. — Болею я, можешь ты понять?

— Что-то я не слышал, чтобы ты кашляла, — заметил Пампурин сердито.

Разгорячившись, он не заметил, как раздавил яйцо всмятку, и теперь желток стекал по пальцам, не улучшая и без того не слишком радужное настроение.

— Померяй температуру и вызови врача, раз больна, — крикнул он в спину дочери.

Наташа развернулась в коридоре и заглянула в кухню, чтобы выкрикнуть в ответ:

— У меня не простуда, ясно? Но мне плохо, можешь ты это понять?

— Что это с ней? — удивился Пампурин, когда они с женой остались одни.

Почти все пространство оконной рамы занимало серое мартовское небо с росчерками голых веток. Снег то таял, то опять валил крупными хлопьями. Уже не зима, но еще и не весна, а хотелось определенности.

— Вы, мужчины, иногда такими глупыми бываете, — покачала головой Мария. — Неужели тебе все растолковывать надо?

— А-а-а, — протянул Пампурин. — Вот оно что.

У него было простое и правильное лицо: с глубокими морщинами на щеках, прямым ртом и красивыми ореховыми глазами. Подбородок мощный, пожалуй, даже излишне мощный, раздвоенный. Порядком отросшие волосы гладко зачесаны назад, от чего на лбу из них образовался треугольник. Голос хриплый, как у заядлого курильщика.

Жена его обожала. Дочь тоже. Но в семьях всякое случается. В том числе и разные недоразумения.

— Наконец-то догадался, — сказала Мария, шумно собирая посуду со стола. — Слава тебе, господи.

— Что-то я не припомню, чтобы ты работу по... гм... «техническим причинам» пропускала, — заметил Пампурин, подходя к мойке.

Он уже был в костюме, но галстук пока не завязал, и это было очень правильное решение, учитывая лопнувшее яйцо.

— Наташа тяжело переносит критические дни, — тихо объяснила Мария, ставя посуду под струю воды. — А твои нападки ставят ее в неловкое положение. Ты к ней цепляешься в последнее время.

— Я не цепляюсь!

— Цепляешься!

— Я просто пытаюсь держать ее в рамках, вот и все. После того случая, когда она явилась под утро...

— Со всеми бывает, Валера, — вступилась за дочь Мария.

— И с тобой было? — насторожился Пампурин.

— Ой, чего только мы по молодости не вытворяли... — она отмахнулась, а по губам ее скользнула чуть заметная улыбка. — И выпивали, бывало, и по дискотекам бегали, и... — жена хихикнула. — Да ты и сам еще тот гусь был. Помнишь, как в Бердянске украл меня у родителей? Кстати, я и забеременела тогда...

— А Наташке рано! — прошипел Пампурин. — Ей учиться нужно, ума-разума набираться. Вот получит диплом, тогда и...

— У меня ты диплом не спрашивал, когда в постель тащил.

— При чем тут это! — он поморщился. — Вечно у тебя одни глупости на уме.

— Только ты у нас праведник! — перешла в наступление Мария. — А кто позавчера домой пьяный приполз?

— Ну уж и приполз... — Пампурин быстро покинул кухню, взял галстук и стал завязывать его перед зеркалом в прихожей. — Что за манера преувеличивать? Обычная встреча одноклассников. Посидели, выпили...

Мастеря узел, он избегал смотреть на отражение жены, успевшей встать у него за спиной.

— Все одноклассники летом встречаются, на годовщину выпускных экзаменов, — сказала она.

— А мы весной, — отрезал Пампурин. — Так повелось.

Затронутая тема нравилась ему все меньше и меньше. Галстук упорно не желал завязываться правильно.

— Дай-ка я, — сказала Мария, разворачивая мужа лицом к себе. — Вот так. — Она ловко захлестнула и заправила в петлю шелковую шлею. — Доволен?

— Доволен... Эй! — он попробовал просунуть палец под галстук. — Туго, Маша!

— Это еще не туго. Вот если вздумаешь врать...

Не закончив своей шутливой (точнее, полушутливой) угрозы, Мария поправила узел и отступила, любуясь творением рук своих. Пампурин, в свою очередь, любовался ею. Она была одной из тех миниатюрных блондинок с кукольным ротиком и пышным бюстом, которые никогда не жалуется на отсутствие внимания мужчин. Васильковые глаза, оттенённые синим халатиком, казались нарисованными, как и свободно разметавшиеся локоны, обрезанные лишь немногим ниже уровня мочек ушей, чтобы были видны сапфировые сережки. Спереди волосы росли прямо от макушки, а сзади были не только подстрижены, но и подбриты, обнажая затылок с трогательной ложбинкой.

— Ты же знаешь, Маша, я никогда тебе не вру, — произнес Пампурин, погладив жену по волосам.

И это была очередная ложь, как мрачно отметил он мысленно, покидая дом и направляясь к машине. Позавчера со встречи одноклассников все только началось, причем их, одноклассников, собралось только трое, так что, по сути, это была обычная пьянка под благовидным предлогом. Намеревались тихо-мирно посидеть у Федьки Крюкова, а потом нелегкая понесла их в ресторан, где поддали уже нешуточно. Последнее, что отчетливо помнил Пампурин, это случайная встреча с рецидивистом Неделиным, проходившим в уголовных сводках как воровской авторитет Неделя. И пьяная болтовня с ним никак не красила Пампурина. Ни как солидного отца семейства, ни как старшего следователя прокуратуры.

О чем они говорили? Кажется, ничего лишнего Пампурин себе не позволил. Спросил, давно ли Неделя освобожден, собирается ли взяться за ум, обзавестись семьей, устроиться на работу... Дурацкие вопросы. Неделя даже

не стал притворяться, что таковыми их не считает. Сказал, что подошел, чтобы еще раз поблагодарить Пампурина.

— Да ладно, — отмахнулся тот. — Дело прошлое.

— Я твой должник, — напомнил Неделя. — Жизнь моя, может, и никчемная, но ты ее спас.

Они поёживались под укрывавшим их мокрым снегом на обочине дороги, где, как выяснилось, оба рассчитывали поймать такси. Приятели Пампурина остались в ресторане, а он нашел в себе силы отказать от искушения и отправиться домой. Тем не менее алкоголь в крови давал себя знать, потому что Пампурин неожиданно предложил:

— Может, завернем куда-нибудь, опрокинем по рюмашке?

— Как хочешь, — сказал Неделя с непроницаемым лицом.

— Черт! — Пампурин пьяно хлопнул себя по лбу. — Совсем забыл. Тебя же за общение с «мусором» на ножи поставят.

Он редко прибегал к уголовному жаргону, хотя по роду службы владел им неплохо. И отлично знал, что если вору увидят их вдвоем, то Неделе могут «предъявить» стукачество, что будет равнозначно смертному приговору.

— Я твой должник, — повторил Неделя упрямо.

Он был моложе Пампурина лет на пять или даже больше, но со стороны они казались ровесниками. Дело было в выражении лица Сергея Неделина, в его манере держаться. Глянет — как бритвой режет. Скажет — точно гвоздь вколотит. По-волчьему поджарый, настороженный, готовый хоть прямо сейчас убить или быть убитым. Когда его брали, он оказал сопротивление, ранил двух спецназовцев, а те его в отместку свинцом наспиговали и умирать на снегу бросили. Пампурин, присланный на место событий для осуществления прокурорского надзора, вмешался, а бойцы на него вызверились: «Не лезь куда не просят, не то и тебя

положим, а на бандюгу свернем. Пусть подышает, нормальным людям жить спокойней будет».

Так-то оно так, однако Пампурин заартачился, полез на рожон. По правде говоря, поначалу он лишь о своем авторитете беспокоился и чести мундира, а на истекающего кровью Неделю даже не смотрел. Потом встретился с ним взглядом, прочел в мутнеющих глазах звериную тоску и не отступил, несмотря на то, что на него ствол для острастки направили. Короче говоря, отстоял парня, самолично сопроводил в больницу и там сдал докторам под расписку. За минувшие годы и думать забыл о том случае, и тут на тебе — судьба вновь свела.

Пампурин ухмыльнулся и тут же нахмурился.

— Погоди, погоди, — произнес он, старательно ворочая языком. — А что это ты на свободе гуляешь? Тебе же вроде «десяточку» впаяли?

— Если я скажу, что по УДО выпустили, ты ведь не поверишь? — сухо спросил Неделя.

Настоящим ворам условно-досрочное освобождение не светило, поэтому Пампурин нахмурился еще сильнее.

— Не испытывай судьбу, Сергей. Ты ведь в бегах, насколько я понимаю? Хочешь, чтобы еще десятку накинули? Давай явку с повинной оформим?

— Я думал, весна идет, а тут пурга такая, — Неделя скривился. — Давай замнем для ясности, прокурор. Калган за тебя подставляю, а на цырлах бегать не стану. Скажи свой номерок. Отзвонюсь — сохрани на память. Может, пригложусь, — Неделя предостерегающе зыркнул на Пампурина. — Сливаться никого не буду. Это запахло. С другими просьбами обращайся.

Закончив свою короткую речь и выслушав ответную, он растворился в ночи, как будто его и не было. Звонок прозвучал, когда Пампурина качало и трясло в такси. Борясь с тошнотой, он не ответил, а на следующий день перезвани-

вать не стал. Что могло понадобиться следователю прокуратуры от вора в законе? Одна только мысль об этом была смешна и нелепа... И опасна. Ведь Пампурина тоже никто не стал бы по головке гладить за подобные контакты. Первым импульсом было уничтожить подозрительный номер к чертовой матери, но что-то Пампурина остановило. Предчувствие? Надежда еще раз увидеться с Неделей и направить его на путь истинный? Прокурор не знал. Не так давно он избавился от похмельного синдрома, чтобы задумываться. Пометил номер буквой «Н» и оставил.

Теперь, когда супруга напомнила о том вечере, Пампурин полез в карман за мобильником. Никакие контакты с преступниками, да еще беглыми, ему не нужны. В прокуратуре имеется собственная служба внутренней безопасности, которая отслеживает подозрительные связи сотрудников. Стоит оказаться «под колпаком», и на карьере можно ставить крест. Подобные пятна в биографии представителя закона недопустимы.

Пампурин уже приготовился открыть список контактов, когда в его руке вдруг зазвонил телефон. Вздрогнув, Пампурин посмотрел на светящийся экран и увидел, что вызывают его из приемной прокурора области. «Ну вот, — подумал он обреченно. — Доигрался».

* * *

Кабинет государственного советника юстиции Распопова занимал седьмую или даже шестую часть здания облпрокуратуры. В советские времена здесь размещалась лучшая школа города. Имелся там и спортивный зал, небольшой, но достаточно просторный, чтобы играть в баскетбол и заниматься гимнастикой. Теперь мяч здесь не бросали, через «коня» не прыгали, а решали человеческие судьбы. В буквальном смысле. Поэтому Распопов ощущал себя в некоторой степени богом, и был по-своему прав.

— Садись, Валерий Константинович, — сказал он, не отрывая взгляда от бумаг, разложенных на столе размером с комнату в малогабаритной квартире.

Потолок кабинета уходил чуть ли не в поднебесье, стены отстояли так далеко друг от друга, что Пампурин почувствовал себя маленьким мальчиком, который зачем-то забрел в храм. Собственно, по задумке прокурора, масштабы его владений так и должны были воздействовать на посетителей. Подавлять и принижать. Именно такой эффект всегда производили тронные залы и кабинеты высокого начальства.

Пампурин на внезапно ослабевших ногах приблизился к столу и опустился на одно из двух полукресел для посетителей. Кресла были подобраны так, чтобы сидящий едва высался над уровнем стола и на него можно было смотреть из прокурорского кресла сверху вниз.

— Что там у тебя? — спросил Распопов, не переставая листать страницы, перебирать бумаги и перетасовывать их в какой-то непостижимой последовательности.

— Явился по вызову, Василий Петрович, — осторожно уточнил Пампурин, все еще устраиваясь на непривычно низком сиденье.

— Ну да, ну да. Как дела продвигаются? — Распопов строго взглянул на подчиненного поверх массивных очков, нацепленных на кончик носа, как это делают обычно актеры, изображающие больших начальников. — «Глухих» нет? Возвращенных на следствие?

— Стараюсь не допускать, Василий Петрович.

— Знаю. Поэтому и хочу поручить тебе одно особо важное дело.

У Пампурина на душе полегчало. Его вызвали не для выволочки и головомойки. Он незаметно перевел дыхание.

— Оно находится на особом контроле, — продолжал Распопов, снимая очки и растирая переносицу, которая не выглядела такой уж натруженной. — На моем контроле.

Если справишься, считай, выдержал экзамен. Назначу тебя своим заместителем. С испытательным сроком, но это приложится, если не подкачаешь.

— Не подкачаю, — пообещал Пампурин не раздумывая.

Обучение Наташи в престижном институте влетало в копеечку, машину пора было менять, а Мария в последнее время все чаще жаловалась на тесноту квартиры. В общем, повышение в должности и увеличение зарплаты были как нельзя кстати.

— Тогда вот что, — заговорил Распопов, постукивая дужкой очков по зубам. — Забирай вот это дело, — он придвинул к Пампурину через стол объемистую папку со скоросшивателем. — Следствие буксует и вот-вот зайдет в тупик, а мы себе этого позволить не можем. Убит Дмитрий Сочин, сын мэра. И двое его приятелей, некто Тамонников и некто Дышев. Прекрасные юноши, законопослушные, без вредных привычек. Всех троих застрелили на даче Тамонникова, куда друзья приехали, чтобы отдохнуть от городской суеты...

— Выпивали? — спросил Пампурин.

— Ты это брось, Валера, — повысил голос Распопов. — Выпивали, не выпивали — это к делу не относится. За рабочую версию возьмешь ограбление. Какие-то мерзавцы забрались в дом, натолкнулись там на юношей и всех убили, зверски. Вот такая история, простая и драматическая.

— Зацепки уже есть?

— Мало. Следственная группа халатно сработала. Оружие преступления нашли да еще несколько улик, но на преступников не вышли.

— Кто был старшим? — поинтересовался Пампурин.

— Майор Деев из четвертого, — сказал Распопов. — Но опер попался никудышный, а протокол вообще составлен тяп-ляп. Какой-то умник напортачил. Сам увидишь.

Пампурину пришлось встать и потянуться через стол, чтобы достать переданную ему папку.

— Потом изучишь.

Поднявшийся со своего места Распопов оказался неожиданно низкорослым. Голова у него была массивная, значительная, а остальное тело, хоть и крепкое, словно бы прилепилось по ошибке. Костюмы прокурор носил всегда черные, в едва заметную полоску, а галстуки предпочитал темно-красных оттенков — в тон большим пунцовым губам. Уши, нос, рот — все было крупным на его физиономии. Поредевшие волосы он зачесывал через весь череп, от виска до виска, в стремлении скрыть обширную лысину.

— Торопить тебя не хочу, но дело срочное, — говорил Распопов, прохаживаясь по огромному кабинету. — Необходимо как можно скорее отыскать убийц. Наш мэр не просто городской голова, он каждый месяц в столице бывает, а там везде вхож — хоть в генпрокуратуру, хоть в администрацию самого...

Тут Распопов понизил голос, многозначительно умолк и возвел глаза к высокому потолку. Будто прямо в поднебесье заглянул и увидел там нечто такое, что заставило его стать еще более деловитым, еще более требовательным и непримиримым по отношению к нарушителям закона.

— В общем, так, — подвел он черту, вернувшись за стол. — Погибшие были замечательными ребятами, особенно Дима Сочин. Не люблю громких фраз, но от такой молодежи зависит будущее нашей страны. А их взяли и... — Распопов сделал паузу, словно борясь с бушевающими его чувствами. — Мы не можем с этим мириться. Сочин с меня буквально не слазит: вынь и положи ему убийцу сына. И я его понимаю. Думаю, и ты, Валерий Константинович. Отцовские чувства, они... — прокурор крепко сжал кулак и встряхнул им в воздухе. — Бери дело — и за дело.

Собственный каламбур заставил Распопова коротко усмехнуться.

— Не теряй времени, Валера. Помни, сейчас твое будущее в твоих руках: и я тебя не обойду, и мэр не забудет. В общем, действуй. Ждем от тебя результатов — конкретных результатов. Дело на особом контроле, так что сам понимаешь...

— Понимаю, — кивнул Пампурин.

И по тону его было слышно, что это действительно так.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ В ТИХОМ ОМУТЕ

Дорога за город заняла чуть больше получаса. Ближе к полудню облака разошлись, и лужи всюду засияли на солнце, дружно отражая синее небо. Асфальт был черен, напитанная водой земля — темна, по опушкам дотаивал снег, который можно было принять за клочья разбросанной бумаги.

«Грачи прилетели, — умилился Пампурин, увидев черных птиц, снявшихся с голых деревьев, похожих на метлы, воткнутые рукоятками в землю. — Значит, весна пришла окончательно».

Второе заключение было верным, а насчет грачей Пампурин ошибся. Когда стая, развернувшись над лесом, пересекла дорогу перед самым капотом автомобиля, стало ясно, что это всего лишь вороны или галки.

Умудрившись не проскочить нужный поворот, Пампурин предъявил удостоверение охраннику и вскоре добрался до нужного особняка. Желто-розоватый, под зеленой черепичной крышей, с высокой каминной трубой и декоративной башней, он выглядел солидным и основательным, но без показной роскоши или претенциозности.

Войдя во двор, любой сразу понимал, как привольно и покойно жилось здешним обитателям когда-то. Ухоженная лужайка, большая беседка, качели, очаг для приготовления шашлыков и барбекю, а слева от входа — здоровенная ель,

которую, наверное, было принято наряжать на Новый год, чтобы под ней с удовольствием выпить шампанского и проветриться после обильного праздничного стола. Вдоль ограды рядочком стояли кусты, кое-где торчали совсем еще молоденькие березки, в дальнем конце чернела клумба с сухими стеблями умерших цветов.

Уверенно ставя подошвы на упругий травяной покров, Пампурин дошёл до конца двора, с трудом открыл разбухшую калитку и осмотрел окрестности. Бетонный мостик через узкую речушку был коричневым от грязи, нанесенной теми, кто ходил по раскисшей дороге. За бурым пустырем тянулся пологий холм, облепленный домами и домишками. Оттуда ехал одинокий велосипедист, представлявший собой такую же естественную деталь пейзажа, как сухие камыши, мертвый бурьян и древние столбы с проводами, уходившие вдаль.

«Если преступники уходили этим путем, то кто-то их мог заметить, — подумал Пампурин. — Но вероятность не слишком высока. По ночам тут вряд лилюдно. Если и шагает кто, то исключительно спяну. Как этот велосипедист, которого качает из стороны в сторону. Такой увидит и сразу забудет. Тот еще свидетель».

Покинув наблюдательный пост, следователь отправился в дом. Дубликаты всех ключей были ему предоставлены, родители погибших парней свое отголосили-отрыдали, так что произвести осмотр можно было без помех. Пампурин ознакомился с предварительными выводами и заключениями, но они его не удовлетворили. Акты и протоколы были составлены неряшливо, пестрели явными ошибками и огрехами, а это означало, что оперативная группа сработала непрофессионально.

Войдя в дом, Пампурин постоял, вживаясь в атмосферу. Он никогда и никому не признавался в этом, однако во многом полагался на интуицию, дополняющую логику,

выстроенную на основании фактов. И эта самая пресловутая интуиция... или шестое чувство... или нюх — они подсказывали Пампурину, что прав не главный прокурор со своей версией ограбления, а предыдущий следователь, предположивший, что расстрел произвела неизвестная особа женского пола. Тем более что на брошенном пистолете были обнаружены дамские пальчики.

Настроившись на нужную волну, Пампурин медленно двинулся в гостиную, где произошла трагедия. Он был целеустремлен и собран, как ищейка, берущая след. Он весь превратился в аналитический агрегат, осматривающий место происшествия, фиксирующий все важные детали и следы, любые мелочи, представляющие интерес для следствия. Тут уже не было ни оперативников, ни других следователей, ни судмедэкспертов, ни понятых, так что Пампурину пришлось быть одному за всех.

Память у него была отличная. Он в деталях помнил все, что усвоил из протокола, и теперь мысленно сопоставлял чужие наблюдения и выводы со своими. Пампурин точно так же, как Деев до него, определил места, где находились участники трагедии, когда собрались в комнате.

«Их было четверо, — звучал размеренный голос в голове следователя прокуратуры. — Трое стояли приблизительно вот здесь, здесь и здесь. А гостья сидела на диване. Сюда она прибыла добровольно, однако потом пожалела о собственной неосмотрительности. Должно быть, оценила опасность еще до того, как увидела, что Сочин недвусмысленно расстегнул штаны. Во всяком случае, пистолет уже был у нее под рукой. Принадлежал ли он ей? Или она наткнулась на него случайно? Вот что нужно выяснить в первую очередь».

«Постой, постой, — сказал сам себе Пампурин. — Тебе же ясно объяснили, чего от тебя ждут. Расстегнутые штаны и пистолет никак не вписываются в версию, подкинутую

прокурором. При чем тут какая-то девица? Ты должен искать грабителя или, лучше, нескольких. Вели операм схватить подходящих типов, подгони факты, сострепай свидетельские показания, подсунь парочку соответствующих актов экспертизы — и дело в шляпе. Распопов назначит тебя помощником, получишь серьезную прибавку к жалованию, приятно удивишь Машу и сядешь за руль престижного внедорожника. Не рассусоливай тут, Валера. Все проще простого. Например, вызови сюда охранников под предлогом дачи свидетельских показаний. Они натопчут, отпечатки оставят, что-нибудь ценное сопрут сдуру. Вот тебе и банда готовая. Давай, действуй. Хватит ходить вокруг да около».

Несмотря на все эти внутренние призывы, Пампурин продолжал привычную работу. Определив места расположения персонажей, он опустился на корточки, шаря опытным взглядом по полу. На его памяти не было еще такого случая, чтобы не всплывали новые улики при повторных осмотрах и обысках. Всегда кто-нибудь что-нибудь упускал из виду.

«Кстати, нужно будет еще раз покопаться в мобильниках погибших, — напомнил себе Пампурин. — Стоп! Их ведь только два. А где третий? Это крайне важно, учитывая, что в наше время все, особенно молодежь, снимают на камеру все, что с ними происходит».

Не особо веря в удачу, но подчиняясь интуиции, Пампурин нашел длинный шест для регулирования положения штор, улегся на живот и стал шарить под диваном, вытаскивая оттуда все, что там находилось. Вытолкнул он зажигалку, пару персиковых косточек, клочок новогодней гирлянды, заскорузлый презерватив и новенький блестящий телефон.

Находка вдохновила Пампурина. Не теряя времени на то, чтобы подняться с пола, он попытался включить «Самсунг». А вот здесь его поджидала неудача. Мобильник был

разряжен. Полностью. Так, словно его уронили включенным и больше не брали в руки после этого.

— Ты вел съемку, — сказал телефону Пампурин. — Я знаю. Как знаю, что зарядного устройства в доме нет, потому что ты не отсюда. Тебя принес сюда один из гостей. Принес и потерял. А искать не стал по той простой причине, что ты ему больше не нужен. Мертвые никуда не звонят. У них иные способы общения.

Эту тираду он произнес машинально, по привычке. Пампурин любил поговорить сам с собой. Такое проговаривание мыслей вслух помогало ему отрешиться от собственных проблем и сконцентрироваться.

Дачу Тамонниковых он покидал с решительным и сосредоточенным выражением лица. Жажда выяснить правду и найти разгадку была сильнее желания угодить прокурору. Пампурин вообще забыл о его существовании. Все, что его волновало — это необходимость поскорее отыскать нужный шнур и вставить в предназначенный для этого разъем.

«А потом поглядим, — эти слова звучали музыкой в мозгу Пампурина. — Потом погляди-и-им».

И он поглядел. После чего мир для него перевернулся и полетел в тартарары.

* * *

День Наташа провела в полном одиночестве и праздности. До недавней поры ей бы очень скоро наскучило валяться на кровати, пялясь в потолок, но теперь подобное времяпрепровождение казалось ей наиболее подходящим. Просто лежать. Чтобы никто не трогал, ни о чем не спрашивал, не лез в душу, не доставал своими ничтожными проблемами. Лежать и смотреть в потолок. Как труп. Да Наташа и ощущала себя мертвой. Она зачем-то дышала, что-то говорила, куда-то перемещалась, но все это уже не имело ни малей-

Літературно-художнє видання

МАЙДУКОВ Сергій
Любов поза законом

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *Т. О. Небесна*
Редактор *Л. С. Виногорова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *В. Ю. Степанов*

Підписано до друку 26.12.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 13,44. Наклад 5500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПрАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

МАЙДУКОВ Сергей
Любовь вне закона

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Т. А. Небесная*
Редактор *Л. С. Виногорова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *В. Ю. Степанов*

Подписано в печать 26.12.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 13,44. Тираж 5500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ЧАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду



Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Слідчий Пампурін веде справу про вбивство сина мера і двох його друзів. Всі знали Валеру як дуже доброго хлопця. Батько тяжко переживає втрату і просить якнайшвидше розплутати справу. Пампурін намагається з'ясувати, кому і навіщо було вбивати Пампурина-молодшого. Але докази, зібрані слідчим, приводять його... до власної доньки. Шокований батько не може повірити, що його Наталка — убивця. Та й який мотив? Справа постала в абсолютно несподіваному світлі, коли дівчина розповіла всю правду про ту ніч. От тільки через цю правду їхній родині загрожує смертельна небезпека...

Майдуков С.

М14 *Любовь вне закона* : роман / Сергей Майдуков. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 256 с.

ISBN 978-617-12-5628-6

Следователь Пампурин ведет дело об убийстве сына мера Сочина и двух его друзей. Все знали Валеру Сочина как очень хорошего парня. Отец тяжело переживает утрату и просит как можно быстрее распутать дело. Пампурин пытается выяснить, кому и зачем было убивать Сочина-младшего. Но улики, собранные следователем, приводят его... к собственной дочери. Шокированный отец не может поверить, что его Наташа — преступница. Да и каков мотив? Дело принимает совершенно неожиданный оборот, когда девушка рассказывает всю правду о той ночи. Вот только из-за этой правды их семья грозит смертельная опасность...

УДК 821.161.1.0



Глеб многое повидал на своем веку: он прошел войну и не понаслышке знает, что такое предательство. Когда-то любимая бросила его ради друга. Но теперь Рита в беде, и только Глеб может ей помочь! Девушку похитили и вывезли в Турцию. Как она там оказалась? Используя связи и навыки, приобретенные во время службы, он выходит на похитителей. Однако спасти Риту оказывается не так-то просто, да и друг Володя многое недоговаривает...

Евгений Зоряной по кличке Заря выходит из тюрьмы, отмотав срок за своего друга Руслана, три года назад сбившего пешехода насмерть. В поезде попутчиком Зари становится другой зэк. Колокол приглашает Зарю к себе в банду. Тот отказывается, надеясь на нормальную жизнь и помощь друга. Но дома его никто не ждет. Руслан оказывается предателем, а сам Евгений втянут в грязное дело, связанное с антиквариатом. Бандиты, скупающие старинные вещи, убивают близкого ему человека, и теперь Заря должен отомстить...

